

**АЛЕКСЕЙ
ХВОСТЕНКО**

**КОЛЕСО
ВРЕМЕНИ**

Санкт-Петербург

ДРУЗЬЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Генделев
НА СМЕРТЬ ПОЭТА

1

Что Алеша Хвостенко

Нами
отпетый всеми
под
пой ладовый

есть ли он
выход
в Поля Елисея
вход
с Малой Садовой

из
врат кофейни
инога кайфа
путем невинным
приемля душою сто грамм с прицепом

и
отвлекаются ль
херувимы
под
петь твоему фальцету

2

Не
нехристя ведь любопытства ради
но и не
христаряди
тоже

а
чтоб
пожелать тебе
сам на ночь глядя
Алеша

быков Алеша Хвостенко тучных тебе и орлов летучих
ласковых львов
тебе незабвенный
и
стеклянных игрушек кучу

не строй же арфу на гимнастерку
и на стирку гимнов марш в хоры хоровые
но
самых лучших старых товарищей наших мертвых
и чтоб живые.

3

Дай я пошлю тебе бабочку божию чушь безделку
с запиской на обороте вручить Хвостенко
мою самую с серебра оттенком
пепельную
с огненной каймой

носи ее
памяти на отвороте светлом
как я о том как ты пел так и сейчас поешь ли
с взглядом в иерусалимскую стенку летом
всего и оставшуюся от дома уже двадцать лет
зимою

а лучше
я пошлю тебе свою куколку
а
точней
завещаю

води ее в детский сад царей кормить овощами
выводи играть на свои Шанзелизе Алеша
научи ее петь
ты
а потом я тоже.

Москва, 5 декабря 2004 г.

Юрий Ярмолинский
СТРАШНЫЙ СУД

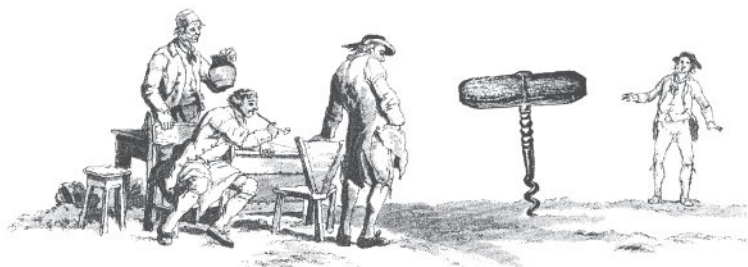
Хвост соскочил в Америку в середине 90-х годов прошлого века и решил завязать.

AMERIKA. LONG ISLAND, LEVITTOWN. Место рождения субурбии, слово, я надеюсь, уже известное читателю. Пит Сигер пел «Little Boxes» про Levittown, first mass-produced suburb in America. Час на пригородном поезде до Манхаттана. Formidable. По причине приезда в саду была устроена вечеринка. Пришло большое количество народа. Кино, вино, домино. Песни про муку и про тесто пел Хвост.

Алеша прятался от выпивающей публики в мастерской, переоборудованной из гаража, куда время от времени проникал очередной почитатель с двумя стопочками, предлагая выпить, закусить, поговорить и т. д., и т. п.

Хвост вежливо отказывался, но после шестого или седьмого посетителя сказал:

«Знаете, — сказал Хвост, — я хочу, чтобы на моей могиле надгробие было бы в виде штопора. Когда наступит страшный суд, Господь мою могилу

Ниже и выше прилагаются несколько проектов памятника. Безусловно, возможны и другие варианты, как и разнообразие видов штопора. Но пока суть да дело, открой поскорей, читатель, бутылку хорошего вина и выпей вместе с нами.

Нью-Йорк, 2010

Анна Хвостенко

Всю жизнь мне говорили, что я на него очень похожа.

Внешнее сходство моя мама комментировала так: «Господи, ну как же в этой юной, пухлой, румяной девочке виден старый бородатый дядька?!» А внутреннее объясняла лёгкостью нрава и, главное, безмятежностью. Я с папой никогда не жила и сходств никаких не видела. Зато взором 16-летнего ребёнка при первой встрече обратила внимание на многое другое. И сразу душой и сердцем к этому потянулась. Как и многие другие.

Он был бесконечно доброжелателен к людям, был, как мне вспоминается, очень ровным в общении, в отношениях. Конечно, у него были близкие, избранные друзья, которых он, вероятно, любил больше, чем забредшего случайно или приведенного кем-то, никому не известного, чаще всего малопривлекательного... забулдыгу, пройдоху, шарлатана, именующего себя художником, поэтом, музыкантом. Но в любом случае, радовался всем, всех приветствовал как любимых и желанных. Он обладал не просто внутренней гармонией, а собственным внутренним миром, как бы немного отдельным от об-

щего; миром, в котором он был хозяином, рабом и шутом гороховым.

Всё формальное, деловое, социальное и структурированное с ним не вязалось. Он был вне системы — всегда свободен и смел.

Ему, наверное, не надо было выбирать, как всем нам. И делал он только то, что хотел. Он, кстати, всё время что-нибудь делал. Рисовал, писал, мастерил, сочинял или пел. Или читал. А когда ничего уже не мог — засыпал. Он никому ничего не навязывал.

Просто творил.

Прекрасное.

Москва, 2013

Лев Бруни
УМЕР АЛЕКСЕЙ ХВОСТЕНКО¹

Две с небольшим недели назад, 14 ноября, ему исполнилось 64 года. Отметил он свой последний прижизненный день рождения в Москве, куда привез выставку. Родился в Свердловске, потом жил в Ленинграде, Москве, Париже, а умереть выпало в московской больнице, в городе, который он не особенно любил. Он на любовь вообще был скуп. Казалось бы, поэт, художник, музыкант, балагур, душа общества. Он и был и тем, и другим, и третьим... А вот на любовь скуп. При этом было у него удивительное качество. Кто бы без звонка, без предупреждения ни заваливался к нему домой (иногда и посреди ночи, а бывало и под утро), все они встречались Алешей так, словно только их он и ждал и страстно желал увидеть ровно в эту минуту. Наверное, поэтому очень многие причисляют себя к его друзьям. А он, думаю, из друзей по-настоящему любил, наверное, одного только Анри Волохонского, написавшего на музыку Франческо да Милано ставшие знаменитыми слова про город золотой, про льва, орла, про вола, преисполненного очей. Те самые слова, которые молва приписывала то БГ, то самому Хвостенко.

Тот же, кто внимательно читал (а чаще слушал в исполнении автора) хвостенковскую поэзию, понимал, скорее всего, что эти светлые небесные стихи не могли выйти из-под его пера. Он писал про другое: про сатану, прятавшегося в обличье очаровательной и притягательной Орландины, про страшную жизнь «в стране больших бутылок, где этикетки для вина — как выстрелы в затылок». В этой перестрелке и прошла большая часть его жизни. Хотя была и другая, глубоко спрятанная жизнь. Та, где «вяжет дева кружева/ белый шьет наряд невеста/ женщина откроет дверь/ мне все это только снится».

Поэзия была для него все-таки главным делом. Он и к самому слову «поэт» относился чрезвычайно ответственно, произнося его по-петербургски твердо, с четкими артикулированными круглыми гласными. И людей делил на поэтов и всех остальных, причисляя себя, безусловно, к первым. Был он уверен и в том, что человечество обязано поэтов содержать, а потому совершенно естественно, без капли смущения воспринимал всяческие вспомоществования. С благодарностью, но без излишних эмоций, как сюзерен, принимающий само собой разумеющиеся дары от верного вассала.

О его легендарном обаянии писать не буду, тем более что это должны быть, вероятно, женские рассказы.

А кроме всего прочего, был Алексей Львович Хвостенко типичным сыном своего XX века, а потому в веке нынешнем, может быть, и не задержался.

Светлая память.

АВТОР О СЕБЕ

Цветок пыли

Я не склонен к унынию, и даже в тех случаях, когда невыразимая тоска наваливалась на меня, угрожая нарушить то сосредоточенно веселое равновесие, состоявшееся между внешним миром и мной, благодарная моим устремлениям, безмятежность торжествовала над ней убедительную победу, хотя бы и после ожесточенной атаки. Измотанный изнурительной схваткой, я благодумствовал, втайне гордясь несокрушимостью моей внутренней крепости. Но все же эти атаки огорчали меня. Сама их возможность казалась мне неправомерной, недопустимой. Я и до сих пор считаю их проявлением известного рода слабости, а на людей не подверженных им смотрю с искренним восхищением. (Впрочем, не помню, часто ли мне приходилось сталкиваться с объектами такого восхищения, скорее я рисовал их в своем воображении / и в мою задачу входило, как вы, очевидно, уже догадались, стереть разницу между вожделенным объектом и субъектом. / Смею думать, что встречал их на своем пути).

От Пушкина во мне
лишь Хлебников остался,
А Лермонтов
и вовсе потерялся.

Леонид Ентин

предисловие

послесловие

Итак, на нашей улице прогресс. Им отмечены даже изменения погоды. Нельзя не порадоваться некоторому обогащению фауны. А так как вершиной ее эволюции следует считать психические процессы, то перед нами ее прелестный и одновременно устрашающий итог — Верпа. Охотились на этого зверя многие. Но постепенно трудности отпугнули незаинтересованных, а шкуру и мясо Верпы действительно способен оценить не каждый. Однако в атмосфере мороз, то бишь некоторое ужесточение. Поэтому автор этих строк хотел подчеркнуть, что его мысли призваны вернуть былую популярность Верпы, напомнить о занятных повадках умного зверя, воскресить некоторые особенности культа Верпы, обнаруженные в самых неожиданных местностях.

Но вначале посмотрим, где же обитает Верпа. Внешние топографические приметы только исказят ваши представления о повадках и привычках Верпы. Франсуа Вийон, поклонник и ценитель, оставил нам ценные трофеи, добытые, правда, довольно давно. Кое-какие данные его биографии и те замечания мужественного спортсмена, которые сохранили нам века, донесли до нас его ценный опыт.

Но только теперь, когда урбанизация наделила зверя всеми чертами нашего века, охотников сменили исследователи.

Тем более изумительны результаты ветеринар-верпатора и охотника Хвостенко. Практически, в данной области основные достижения принадлежат ему.

— Верпа на дороге не валяется. Утверждение, что Верпу можно выследить в психиатрических больницах, основано на недостоверных источниках.

Самое убедительное — это трофей. Так всегда считали настоящие поклонники и сторонники Верпианы. Но Верпу трудно выследить, и поэтому мы можем по циклу «Силуэты Верпы» просмотреть процесс расшифровки случайных встреч, впечатлений, почувствовать все напряжение, которое испытывает идущий по следу. «Силуэты» учат не доверять. Дубликат — это дубликат, но что делать с дубликатом? Сквозь него надо пройти. Это трудно. Иногда — утомительная погоня. И тогда приходится бежать, переплывать рвы, тонуть в разной совершенно посуде и причалить в Кэмпе.

— Нет, уже полгода не видели и не слышали....

.....а на этот раз сидеть в засаде, не надеясь на успех.

Но труд никогда не пропадает даром. По крайности, в нашем городе выпадает иней. Его можно слизывать. А снег можно шевелить палкой. Смотришь — нашел «скелето приятелям». А если отправиться за Верпой в воздух, то возникнет масса дополнительных ощущений. Там тоже бывает много интересного.